

Л. Л. КАСАТКИН

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

Том I

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Л. Л. КАСАТКИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том I

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2018

ББК 81.2Рус-1
УДК 811.161.1
К 28

Касаткин Л. Л.

К 28 Избранные труды. Т. I. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 608 с., ил. — *(Вклейка после с. 16.)* — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-327-8 (т. I)

ISBN 978-5-6040195-5-9

Эти Труды, т. I, написаны Л. Л. Касаткиным в XX веке и являются продолжением книги Л. Л. Касаткина «Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка» (М.: Наука: Школа «Языки русской культуры», 1999).

Книга содержит новые исследования автора в области фонетики, орфоэпии, фонологии, орфографии.

Для специалистов в области современного русского литературного языка, преподавателей вузов, аспирантов и студентов филологических факультетов.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус-1

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-327-8

9 785944 573278 >

© Л. Л. Касаткин, 2017

© Издательский Дом ЯСК, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	9
I. Фонетика	117
Особенности восприятия звуков речи, выступающих в разных фонетических позициях	119
Аффрикаты на месте взрывных согласных перед щелевыми в русском языке.....	125
Совмещённые звуки	131
Русская интонация: тональные контуры	133
Межфразовые связи в тексте спонтанной речи.....	148
II. Орфоэпия	157
Предмет орфоэпии	159
Орфоэпема как основная единица орфоэпии	165
Орфоэпические позиции	175
Плотное и неплотное соединение морфем в слове.....	191
Процесс отвердения согласных перед мягкими согласными в современном русском языке (С'С' > СС')	219
Произношение сочетаний <i>ea, ia, eo, io, zo</i> в современном русском литературном языке	254
Основные принципы «Большого орфоэпического словаря русского языка».....	262
Орфоэпические правила	276
Предмет орфоэпии	276
Гласные.....	280
Соотношение <i>и</i> и <i>ы</i>	280
Безударные гласные.....	281
Иканье и эканье.....	281
Звуки на месте <i>е, о, а</i> после <i>ж, ш, ц</i> в 1-м предударном слогe ...	281
Звуки на месте <i>ы</i> , а также <i>и</i> после <i>ж, ш, ц</i>	282
Звуки на месте <i>у, ю</i>	285
Влияние на [э] соседних гласных.....	288
Выпадение [э] между щелевыми согласными	288
Звуки [и], [й] и нуль звука на их месте между глухими согласными	289
Произношение заударного сочетания <i>-тель-</i>	290

Сочетания гласных	293
Сочетания <i>aa, ao, oa, oo</i>	293
Сочетания <i>ae, ai, aэ, oe, oi, oэ</i>	301
Сочетания <i>ea, ia, eo, io, эo</i>	315
Сочетания <i>eu, iу</i>	329
Сочетания <i>ya, yo, ya, yo</i>	333
Сочетания трёх гласных	334
Гласные в клиниках и словах сложной структуры	339
Согласные	344
Качество отдельных согласных	344
Звуки на месте /т', /д'/	344
Звуки на месте <i>ш, ж</i>	344
Звуки на месте <i>г</i>	345
Твёрдый [р] и мягкий [р'] после <i>e</i> между согласными	345
Звуки на месте /j/	346
Твёрдость / мягкость согласных перед мягкими согласными	363
Сочетания двух согласных	364
Сочетания трёх и более согласных	412
Двойные согласные	423
Другие сочетания согласных	446
Сочетания <i>тц, дц, тч, дч</i>	446
Сочетания <i>тц, дц</i>	446
Сочетания <i>тч, дч</i>	447
Сочетания <i>тиц, диц</i>	449
Сочетания [ш'ш'] — [ш'ч']	450
Сочетания [ж'ж'] — [жж]	451
Свистящие согласные перед шипящими	451
Сочетание <i>си</i>	452
Сочетание <i>чи</i>	452
Сочетание <i>г</i> с глухими согласными	453
Упрощение групп согласных	453
Произношение заимствованных слов	455
Произношение служебных морфем и отдельных грамматических форм ...	457
Приставки	457
Суффиксы	465
Окончания и постфикс	466
Конец основы прилагательных	470
Ударение	471
Существительные	472
Прилагательные	477
Глаголы	481
Дополнительное ударение	486
Ударение в предложных сочетаниях	491

III. Фонология	503
Фонема как двусторонняя языковая единица	505
Архифонема	518
Парадигма фонемы	524
Морфонема и суперфонема	526
Два типа сигнификативно слабых позиций и некоторые согласные суперфонемы русского литературного языка	530
Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [ш':], [ж':] в русском литературном языке	541
IV. Орфография	549
О морфематическом принципе русской орфографии	551
Проект правила слитного написания приставок с корнем у наречий	557
V. Фонетисты	561
Сергей Игнатьевич Бернштейн.....	563
Михаил Викторович Панов.....	565
Александр Александрович Реформатский	567
Александр Александрович Реформатский	570
Литература	577

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ*

I

Ах, дни прошедшие, меня вы маните,
Дни вёсен, осеней и лет...
Пройдёте вы и в вечность канете,
Кого обрадуете, кого обманете,
Во мне ж оставите неизгладимый след.

Л. Л. Касаткин (1918 г.)

Мой отец, Леонид Леонидович Касаткин, родился в городе Балашове Саратовской губернии в 1895 г. Его отец — Леонид Герасимович Касаткин, военный, подполковник, надворный советник, дворянин, мать — Елизавета Васильевна Касаткина, в девичестве Мария-Анна-Елизавета Якоби (при замужестве и переходе в православие по правилам того времени ей присваивалось одно имя), дочь Василия Фёдоровича (Вильгельма-Фридриха) Якоби — агронома, управляющего имением богатого помещика Лежнева на хуторе Старо-Еланском на берегу реки Еланки в тридцати верстах от г. Балашова — и Ольги Фёдоровны Якоби (в девичестве Гинце) — заведующей скотным двором и молочным хозяйством этого имения. В имении Лежнева было много коров, птицы — огромный птичий двор. В Москве, в Охотном ряду, у Лежнева была лавка, туда и возили возами битую и замороженную птицу, мясо. В имении у Лежнева была большая конюшня, псарня — охотились с собаками.

В связи с назначениями Л. Г. Касаткина семья жила в разных городах на Волге: в Камышине, Самаре, Саратове, Астрахани, Вольске.

В детстве у моего отца проявились способности к рисованию, и в 1914 г. после окончания реального училища он блестяще сдаёт экзамены и принят сразу в 3-й «головной» класс известного художественного училища технического рисования А. Л. Штиглица в Петербурге.

Началась Первая мировая война. Л. Л. Касаткин с 1 мая 1915 г. учится в Московском Алексеевском военном училище [см. Нечаев 1964], которое оканчивает 1 сентября того же года офицером — прапорщиком (современный младший лейтенант), попадает на юго-западный фронт, служит в полку Александра I, участвует в боях на реке Стырь. В 1917 г. он уже в чине штабс-капитана артиллерии (современный капитан).

---

* Первые публикации: *Касаткин Л. Л. Мои родители // Проблемы фонетики (и не только). VI / К 85-летию Л. Л. Касаткина / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2014. С. 410–415, + 8 с. фотографий; Касаткин Л. Л. История одной семьи // Новый мир. 2016. № 3. С. 9–74.*

В 1918 г. Касаткин живёт какое-то время в Вольске, потом у сестры в Пензе. В июле 1918 г., во время мятежа левых эсеров, Касаткин в Москве скрывается от ареста у своих тёток в Большом Козихинском переулке, прибежав к ним после вооружённого столкновения с большевиками у Никитских ворот.

В 1919 г. он вновь в Пензе, потом в Вольске, откуда уезжает в Сибирь. Всю дорогу проехал верхом на лошади. В 1920–1922 гг. Касаткин в Чите вместе с женой Ольгой Ивановной Бедняковой. По словам моей матери, он — товарищ (т. е. заместитель) министра просвещения правительства Дальневосточной республики, часть которого составляли эсеры.

Как указывает А. В. Ганин, Л. Л. Касаткин относился к «сравнительно небольшой группе бывших офицеров Генерального штаба, олицетворявших интеллектуальную элиту старой армии, её “мозг”». Он был начальником организационно-мобилизационного управления Народно-революционной армии Дальневосточной республики [Ганин 2016: 10, 325].

После входа войск большевиков в Читу Касаткин арестован 21 октября 1922 г., ему объявлено, что он высылается в Советскую Россию. Группа высланных ехала в одном вагоне. В поезде едут свободно, но после пересечения границы Дальневосточной республики в вагон входят солдаты, Касаткин вновь арестован, снят с поезда. Затем тюрьма в Иркутске и Ярославле. Приговор 5 января 1923 г. — 3 года заключения в концлагере, и отправлен на Соловки. Он — в числе первых заключённых Соловецкого лагеря особого назначения — СЛОНа.

О дальнейшей его жизни знаю отчасти по воспоминаниям Екатерины Львовны Олицкой [Олицкая 1971], попавшей на Соловки в следующем, 1924 г., отчасти по его письмам сестре в Пензу, рассказам моей матери и её знакомых. В СЛОНе Л. Л. Касаткин был участником протеста эсеров и анархистов против ужесточения режима лагеря и расстрела протестующих 19 декабря 1923 г., когда специально присланная команда открыла огонь по заключённым Савватьевского скита. Шесть человек было убито, двое — ранено. А затем Л. Л. Касаткин участвовал и в массовой 15-дневной голодовке, проводившейся во всех трёх скитах, где были политзаключенные: в Савватьеве, Муксалме и Анзерке — на трёх соловецких островах.

7 августа 2013 г. в Соловках «Мемориалом» был открыт памятник узникам соловецких политскитов 1923–1925 гг., а в Савватьеве установлен памятный знак с именами погибших во время савватьевского расстрела 19 декабря 1923 г. Низкий поклон всем участникам этой акции.

Екатерина Олицкая в своих воспоминаниях дважды упоминает Касаткина, пишет о нём как о «замечательном художнике» Савватьевского скита. Молодёжь организовала художественную самодеятельность, в бывшем здании часовни разыгрывали спектакли, Касаткин обладал широкими знаниями в разных областях искусства, науки, техники. В СЛОНе проявились его художественные способности: он писал пьесы, по которым разыгрывались спектакли, вместе с другим художником создавал к ним декорации, костюмы из тех скудных средств, которые у них были. И там, и позднее писал стихи.

В 1924 г. на Соловки была сослана и Мина Германовна Опескина, будущая моя мать. М. Г. Опескина родилась 17 августа 1903 г. в Одессе. В 1913 г. поступила

в музыкальную школу, которую окончила в 1917 г. В этом же году окончила с золотой медалью классическую гимназию и в 1918 г. — 8-й, педагогический класс. В 1921 г. начала работать воспитательницей в детском городке. В 1922 г. поступила на старший курс фортепианного отделения широко известной Одесской консерватории, в 1923 г. училась на 4-м курсе.

У молодой весёлой девушки много друзей. Собирается компания. Разговоры, конечно, и о политике. В Одессе начала 1920-х г. множество различных политических течений, направлений, групп. М. Г. Опескину вызывают в ГПУ. По ходу допроса предложение — стать тайным осведомителем, сексотом (секретным сотрудником), сообщать о своих друзьях — о чём говорят, что думают. Девушка в резкой форме отказывается. В результате как член социал-демократической партии меньшевиков арестована. Когда пришли с обыском, ей удалось спрятать запрещённую литературу под матрац парализованной матери, которую не тронули. Но и не найдя ничего крамольного, Мину Опескину увели, судили и приговорили к двум годам Соловков. Было ей тогда двадцать лет.

В СЛОНе она была на Анзерке, Муксалме и потом в Савватьева, познакомилась там с Касаткиным, участвовала в спектаклях в качестве музыканта, создавала музыкальное сопровождение, играя палочками на подвешенных бутылках с водой. Заранее настраивала их на определённое звучание.

В 1925 г. политзаключённых с Соловков перевели в тюрьму в Верхнеуральске. Там Мина Опескина получила назначение в ссылку в Пишпек (позднее город Фрунзе, затем Бишкек) — столицу Киргизии. На стене камеры она написала об этом. Случилось так, что в эту же камеру затем перевели Касаткина. Он заявил, что Опескина — его жена, и попросил то же назначение. Так они встретились в Пишпеке, поженились, и там в конце 1926 г. родился я. По желанию матери, очень любившей моего отца, меня тоже назвали Леонидом.

Когда Мина Опескина ехала в ссылку, у неё была пересадка на другой поезд в Ташкенте. Время между поездами — 10 часов, и Опескина пошла по данному ей адресу к жившей в Ташкенте и ранее ей незнакомой ссыльной меньшевичке. Та приняла её очень хорошо, накормила, дала продуктов с собой. А по приезде в Пишпек Опескина написала открытку с благодарностью за приют, сообщила, что доехала благополучно. Через некоторое время у этой ташкентской ссыльной был произведён обыск, изъята вся корреспонденция, и Опескину за меньшевистские связи приговорили к новой ссылке — в Зырянский край — Усть-Сысольск, центр автономной области коми-зырян (с 1930 г. Сыктывкар). Но в связи с тем, что Опескина была беременна, по ходатайству её и её мужа новую ссылку отложили до рождения ребёнка. Потом было получено и разрешение на сопровождение её мужем. В 1927 г. выехали в Усть-Сысольск уже втроём. В 1928 г. Л. Л. Касаткин был вынужден вернуться в Пишпек из-за отсутствия работы для него в Усть-Сысольске, а в 1929 г. в Пишпек вернулась и М. Г. Опескина-Касаткина с сыном.

Уже в эти годы закладывалась новая общественная мораль, в полной мере утверждённая сталинскими репрессиями: всякая помощь осуждённому, в том числе и помощь друг другу, — это преступление. Милосердие, всегда свойственное нравственно здоровому обществу, становилось наказуемым.

Ссылные во Фрунзе жили в трудных условиях. Помощи многим из них ждать было неоткуда. Надо было рассчитывать только на себя. Среди ссылных возникло нечто вроде кассы взаимопомощи. Собранные деньги отдавались тому, кто в них особенно нуждался. Но касса взаимопомощи — это помощь осуждённым. Кроме того, это уже организация. Допустить этого ГПУ никак не хотело. И когда ему об этом стало известно, все, имевшие отношение к этой кассе взаимопомощи, были наказаны. Мой отец, бывший её кассиром, вновь арестован и приговорён ОСО КОГПУ 23 декабря 1930 г. по статье 58-11 за «антисоветскую деятельность» к одному году лишения свободы — политизолятора, т. е. тюрьмы. В 1932 г. он вернулся во Фрунзе.

Мы с матерью жили в это время в маленькой комнатке в полуподвале, где помещались только наша с ней кровать, тумбочка и табуретка. Я сидел за тумбочкой и что-то рисовал и вдруг с удивлением увидел, как к нам по каменным ступеням, ведущим в комнату, спускается какой-то незнакомый заросший, бородатый мужчина, радостно улыбается нам, а мать бросается к нему и обнимает его. Это был мой отец.

В первые годы жизни во Фрунзе отцу пришлось сменить несколько профессий. Одно время он работал геодезистом. Помню, как ходил он с рейкой и теодолитом, даже разрешал мне иногда в него заглядывать. Но любимым его делом была живопись. Он писал мою мать, меня, к нам домой приходили позировать ему какие-то люди. Нередко он брал меня с собой на этюды.

В те годы город кончался сразу за железной дорогой. А дальше, между городом и горами, шло поле. Весной всё оно было покрыто жёлтыми тюльпанами. Сюда часто ходил отец, чтобы перенести на холст частичку красоты окружающего нас мира. Помню, как однажды мы с ним дошли до гор, поднялись, и там он начал рисовать. Неожиданно пошёл дождь, и нас приютили киргизы, раскинувшие невдалеке свои юрты. Помню, с каким радушием они угощали нас своей едой и кумысом.

В следующие годы главным занятием отца стала живопись. Он много писал и портреты, и пейзажи, вся наша квартира (а мы уже жили в более просторной двухкомнатной квартире) была увешана его картинами. Фотографии их время от времени помещались в местных газетах. Вместе с С. А. Чуйковым он участвует в организации Союза художников Киргизии, был его секретарём, создаёт художественное училище, где преподаёт и сам. Многие художники Киргизии, в том числе и прежний председатель правления Союза художников Киргизии Г. Айтиев, — его ученики. Он участвует в создании Киргизской государственной картинной галереи, где висели и его картины. В 1937 г. несколько месяцев отец был директором этой галереи.

Ребёнком я не мог оценить по-настоящему его человеческих и профессиональных качеств. Но люди, знавшие отца и рассказывавшие мне о нём, считали его человеком незаурядным. Поразительны были его знания из разных областей искусства, науки, техники. Его художественные способности проявлялись не только в живописи. Он писал пьесы, стихи, был прекрасным рассказчиком.

Одно время он увлекся работой с детьми в созданном им в детдоме кукольном кружке. Кукол делал сам. Помню, как он лепил из глины головы, делал с них гипсовые слепки, по которым из папье-маше создавал фигурки. Их он раскрашивал, делал

костюмы, учил этому членов кружка. Дети были очень увлечены этим делом. Сам же писал сценарии постановок и играл вместе с детьми в созданных им спектаклях.

Ольга Васильевна Игнатъева, его тётка, работавшая во время Отечественной войны в госпитале, пишет в письме к его сестре Валентине Леонидовне Архангельской 27 июня 1942 г.: «Валюша, недавно лежал у нас больной, он из Фрунзе, художник, хорошо знает Лёшу, учился у него, очень хвалил как художника и как человека — знает его судьбу».

С февраля 1926 г. по 11 августа 1937 г. М. Г. Касаткина проработала (с небольшим перерывом) в Киргизском музыкально-драматическом театре, переименованном затем в Киргизский государственный театр оперы и балета, в должности концертмейстера-пианиста. С февраля 1932 г. по апрель 1937 г. она работала также в должности пианистки в радиостудии Фрунзенского радиоузла.

Меня не на кого было оставлять дома, и мать часто брала меня с собой на работу. Во время репетиций, а иногда и во время вечерних спектаклей она укладывала меня на матрасик под рояль, где я мирно спал, несмотря на громкие звуки музыки. Однажды я проснулся в студии радиоузла во время передачи и громко потребовал при включённом микрофоне: «Мама!» Меня тут же вынесли, знакомые говорили потом, что узнали меня по голосу. Когда я подрос, мать стала меня учить игре на пианино. К сожалению, эти занятия я вскоре должен был оставить.

В 1935 г. в Ленинграде проходил Всесоюзный конкурс пианистов. Представляла Киргизию на этом конкурсе М. Г. Касаткина. Мы с отцом поехали с нею до Москвы и остановились там у его тёти Нины Васильевны Телепневой, сестры его матери, занимавшей комнату в коммунальной квартире. Съездили на несколько дней в Горький, где тогда жила другая его тётя — Ольга Васильевна Игнатъева. Они принимали большое участие в его жизни с самого детства. Они же и в моей дальнейшей судьбе сыграли важную роль.

Пока мать ездила в Ленинград, отец в Москве занимался делами Союза художников Киргизии. Однажды он взял меня с собой в гости к С. А. Чуйкову, с которым был очень дружен и который в то время жил в Москве. Их связывало общее дело — создание Союза художников Киргизии.

Жизнь моих родителей была нелёгкой. Материальные трудности, особенно в первые годы жизни во Фрунзе, были немалые. Помню, как отец и мать экономили каждую копейку. Краски, холст, кисти — всё это стоило денег, да и купить в те годы это было непросто. Однажды, когда мне было лет пять, в отсутствие родителей я взял отцовы краски и кисть и решил нарисовать картину. Помню отчаяние матери, пришедшей домой и обнаружившей, что краски в тюбике, который отец недавно купил с таким трудом, осталась половина. Но никакие трудности быта не могли нарушить светлой и радостной атмосферы в семье, большой любви, уважения и согласия между отцом и матерью.

5 июня 1937 г., в воскресенье, мы всей семьёй — отец, мать и я — отправились на базар. Через три дня — день рождения отца, и родители хотели купить фрукты, зелень, чтобы отметить этот день. С нами был товарищ отца художник Александр Илларионович Игнатъев. Возвращались все вместе.

В полуквартале от нашего дома А. И. Игнатьев задержался у больницы навещать лежавшую там жену, а мы пошли дальше. Отец и мать вошли во двор и в дом, а я стал мыть в арыке пыльные босые ноги. Вдруг стремительно возвращается мать: «Беги, предупреди Александра Илларионовича: у нас обыск». Хотя прошло много лет, отчётливо помню бледное, окаменевшее от этого известия лицо А. И. Игнатьева.

Жили мы тогда на Киргизской улице (ныне ул. Орозбекова), в небольшом доме под камышовой крышей. В комнате родителей и крохотной кухоньке земляные полы. Большую часть моей комнаты, незадолго до этого пристроенной к кухне, занимало пианино, за которым долгие часы проводила мать — профессиональная пианистка. Комната отца с матерью — и спальня, и мастерская отца одновременно. Здесь стоял его мольберт, на стенах — много его картин.

Обыск длился недолго: вещей у нас было мало, смотреть было нечего. Проводившие обыск захватили с собой, кроме писем и личных бумаг, две книги по живописи на немецком языке. Отец свободно читал по-немецки, а сотрудники НКВД не могли на месте установить степень криминальности этих книг. Увели и отца. Я вышел на улицу и долго смотрел им вслед. Помню, как шёл он, взвалив на плечи матрас, высокий, худой, по бокам двое сопровождающих. Было ему тогда 42 года.

В этом году я окончил 2-й класс школы. За успехи в учёбе и общественную активность (я был старостой класса) я был награждён путёвкой в Артек. И вдруг арест отца. Мать не решилась отправить меня так далеко от дома, путёвку мне заменили другой путёвкой — на горный курорт недалеко от Фрунзе. Но пробыл я там всего неделю. Неожиданный вызов к главврачу, сказали: «Звонила мать, будет звонить ещё. Жди». Через некоторое время звонок. Мама: «Назначили день суда. Приезжай сразу же». Но суд в этот день не состоялся: отложили, затем ещё раз назначили и опять отложили.

С отцом у нас было два свидания в тюрьме. Первое свидание проходило в комнате, разделённой двумя решётками, между которыми ходил надзиратель. Отец по ту сторону решёток, мы с матерью — по эту. Идя на это свидание, я срезал для отца все лучшие цветы, которые вместе с ним мы посадили и выращивали у нас во дворе. Но букет у нас не взяли: не положено. Я мог лишь показать отцу этот букет через две решётки. Потом мать объяснит мне, почему не приняли цветы: боялись, что в них может быть спрятана записка или другие «недозволенные» предметы. Помню поразившую меня проверку передачи, принесённой матерью. Разламывалось, крошилось всё съестное, прощупывались все носильные вещи. В этих деталях реализовалось для меня новое наше положение.

Известно, что мелочи могут производить гораздо большее впечатление, чем значительные, серьёзные вещи. Многие события моей жизни я забыл. Многие — важное, о чём нередко сожалею. Но пальцы тюремщика, копающиеся в нашей передаче отцу, ясно помню. Остался в памяти тот ужас и отвращение, которое я испытывал тогда к этим равнодушным, нечистым рукам, перебиравшим, кромсавшим любовно собранное нами.

Второе свидание было совсем иным. Оно почему-то проходило в комнате надзирателей. Нам сдвинули три стула в углу, и мы сидели колени в колени. Следивший

за нами тюремщик отвлекался, отходил от нас, в комнате было много других людей, громко говоривших, занятых своими будничными обязанностями, и мы могли говорить откровенно.

Отец, предвидя арест матери, сказал: «Бери сына и уезжайте как можно скорее, тебя тоже должны арестовать». Мать очень любила его, не могла его бросить даже в этих условиях и ответила: «Пока я хоть чем-нибудь могу тебе помочь или хотя бы узнавать о тебе, не уеду». Тогда она надеялась и на то, и на другое. Но свидание это было последним, и последними были сведения об отце.

Теперь, после тех страшных десятилетий, мы знаем, что таким образом действительно можно было избежать ареста. Хватали тех, кто рядом, кто под рукой. Разыскивать уехавших было некогда, а времени у арестовывавших не было: им нужно было выполнять план по валу.

У отца была замечательная способность — он мог насвистывать разные мелодии из опер, симфонической музыки разных композиторов. Но часто высвистывал он и очень простую мелодию — всего четыре ноты, это были как бы его позывные: «Это я, я иду, скоро буду». Услышав эти звуки, мы с мамой бежали к дверям на встречу с ним, понимали, что он уже недалеко и даёт нам сигнал, радуясь, что вот-вот мы все будем вместе. Часто он брал меня в горы на этюды. Я, постояв возле него, мог отойти за какой-нибудь ящерицей, полевой мышкой, разглядывал муравейники, собирал цветы, а он время от времени посвистывал этим своим характерным свистом, призывая меня не уходить далеко. И я отвечал ему точно так же, мол: «Я тут, не беспокойся».

Родители подарили мне беспородного щенка, и я, только что прочитав Чехова, назвал его (её!) Каштанкой, хотя была она белая с большими чёрными пятнами. Во дворе возле нашего крыльца отец сколотил ей будку, где она спала, но бегала по двору совершенно самостоятельно. Возвращаясь из школы, я уже в начале нашего квартала начинал высвистывать эту папину мелодию, и Каштанка со всех ног бежала ко мне с радостным лаем. Но однажды она не откликнулась на мой призыв, я стал звать: «Каштанка! Каштанка!», но и тут она не появилась. Войдя во двор, я узнал, что ночью забежала бешеная собака, как это тогда бывало, и покусала Каштанку. Соседи, понимая, что может произойти в дальнейшем, вызвали особую службу собачников, те приехали, застрелили бедную Каштанку и увезли труп. Долго-долго я горевал и корил себя, что не заперал собаку на ночь в её будке.

Когда арестовали отца и пока шло разбирательство и должен был состояться суд над ним, держали его в ДОПРе — доме общественно-принудительных работ, так тогда назывались обычные тюрьмы. Но когда дело его перешло в ведение «тройки» (тогдашние внесудебные органы, состоявшие из начальника НКВД, прокурора и первого секретаря республиканского комитета ВКП(б)), отца перевели в тюрьму НКВД. Была она недалеко от центра города, выходила замазанными краской окнами прямо на улицу. Однажды мама взяла меня с собой, и мы пошли на эту улицу. Недалеко от тюрьмы мама сказала: «Иди вперёд и, когда будешь проходить мимо, свисти, как ты это делал раньше вместе с папой». И я с видом беззаботно гуляющего мальчика шёл и насвистывал эту нашу мелодию. И вдруг откуда-то со стороны тюрьмы

я услышал такой же ответный свист. Это отец! Никто другой не мог так свистеть! Он услышал, понял, что это я, догадался, что и мама тут же. Значит, он здесь! Он подал нам знак! На секунду я задержался, а потом с новой силой, громче, быстрее, радостнее засвистел нашу позывную, давая понять, что и я услышал, и я понял его, моего дорогого и любимого. Это была последняя весточка нам от него, последняя наша встреча с ним.

Впоследствии, в феврале 1955 г., мать писала генеральному прокурору СССР:

«Я проживала в г. Фрунзе Киргизской ССР вместе с мужем Касаткиным Леонидом Леонидовичем. До ареста он находился там в ссылке после отбытия срока лагеря 3 года и политизолятора 1 год. В 1935 г. он получил паспорт, права гражданства, а 5 июня 1937 года в г. Фрунзе был снова арестован. Когда следствие окончилось, я имела 2 свидания с ним. Очень коротко мой муж сказал мне, что свидетелем в деле указан местный житель Ромодин Аркадий, который ни по работе, ни в личных отношениях никогда не сталкивался с моим мужем и свидетелем согласился выступить под угрозой ареста, что обвинения относятся к тому периоду, в связи с чем он уже без суда, в административном порядке отбыл 1 год политизолятора в 1930 г., что ему приписывают какую-то связь с Гоцем, человеком, которого он ни разу в жизни не видел и никогда не переписывался, что показания о нём написал человек, которого на допросах подвергали жестоким избиениям.

Дело моего мужа было подведомственно спецколлегии. Я пригласила защитника, который вёл дело мужа и имел с ним свидания в тюрьме. Осенью 1937 года на заседании спецколлегии дело рассматривалось и спецколлегия судить отказалась «за отсутствием состава преступления». Тогда дело было оттуда изъято, передано на тройку НКВД, защитнику и мне было отказано в свиданиях с моим мужем, и с тех пор я больше его не видела. На многочисленные мои розыски я получала сообщения, что он осуждён без права переписки, а на последний запрос, в октябре 1954 г., получила ответ из МВД, что «местонахождение его неизвестно».

Я не знаю существа дела моего мужа, но искренно убеждена, что это безукоризненно честный советский человек, был художником, любил своё искусство, с увлечением преподавал живопись киргизской молодёжи, его картины до ареста занимали достойное место в картинной галерее во Фрунзе, и антисоветской деятельностью он не занимался.

Я очень прошу Вас пересмотреть его дело и уверена, что невиновность моего мужа будет установлена».

Касаткин Леонид Леонидович 29 ноября 1937 г. тройкой НКВД Киргизской ССР был приговорён к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор приведён в исполнение 8 декабря 1937 г. Но ещё почти 20 лет моя мать и я получали ответы из органов: «приговор — 10 лет без права переписки». А в 1955 г. загс г. Фрунзе выдал свидетельство о его смерти от якобы рака желудка в 1947 г. Приговор был отменён Судебной коллегией Верховного суда СССР 8 июня 1955 г., и дело прекращено за отсутствием состава преступления. А затем Касаткин Леонид Леонидович был и реабилитирован.

К сожалению, у меня нет ни картин, ни записей, ни вещей отца, кроме нескольких зарисовок, сделанных им ещё в детстве и сохранных его сестрой: всё пропало в 1937 г. После его ареста картины исчезли из залов художественной галереи, после ареста матери все более или менее ценные вещи были разграблены сотрудниками НКВД, картины отца, бывшие в доме, уничтожены.

Как много лет спустя мне рассказывали очевидцы — соседи по двору во Фрунзе, все наши вещи вывозили на грузовике. Картины отца не помещались, и сотрудники ногами утаптывали их в машину. Да и сама квартира была захвачена НКВД, здесь отсыпались днём те, кто по ночам участвовал в арестах. Вернувшись утром после очередной «акции», требовали, чтобы соседи закрывали их снаружи на замок до вечера, а затем напивались до бесчувствия. Видимо, только так и можно было им существовать при такой их «работе». В 2007 г. в художественном музее Бишкека мне рассказали, что после ареста Касаткина все его картины сняли и велели уничтожить. Кто-то хотел их сохранить и закопал в саду возле музея. Прошло столько лет, и где это, никто не знает, да и не могли они там сохраниться.

Мать в августе 1937 г. посадила меня на поезд, попросила соседей по купе присмотреть за мной. Поезд до Москвы, где меня должны были встретить родственники отца, шёл от Фрунзе 5 суток, и почти всё это время я простоял у окна тамбура, не желая ни с кем разговаривать. Начиналась у меня новая жизнь — сына «врагов народа» и без матери, без отца. А за матерью уже велась постоянная слежка, и уехать вместе со мной она не смогла бы.

Через восемь лет мать напишет мне: «Я вспоминаю твой отъезд, как ты заболел в дороге, и это было такое мучительное время для меня, когда мне хотелось всё бросить, ничего было не жаль, ни вещей, ни денег, чтобы только быть возле тебя, больного моего мальчика, у меня даже была мысль вылететь на самолёте, но ведь это значило оставить на произвол судьбы Лёнюшку, его могли внезапно отправить, как же мне покинуть его на полное одиночество. Этого моё сердце никак не могло допустить».

В это время произошёл случай, который мог сильно изменить судьбу моей матери. Во фрунзенском музыкально-драматическом театре, где она работала, проводили общее собрание и, как тогда было принято, в президиум собрания заочно выдвинули Сталина, и при этом все встали. Касаткина и сидевшая рядом с ней женщина сделали вид, что не слышали этого, сидели и продолжали оживлённо разговаривать друг с другом. Этот человек был матери ненавистен, а она была прямой, честной и храброй женщиной. Она, конечно, понимала, чем рискует. В те годы этого вполне достаточно было не только для увольнения с работы, но и для вынесения человеку смертного приговора. Но даже угроза смерти не могла вынудить её поступить против своей чести и совести. То ли этого не заметили те, кто мог донести, то ли в НКВД уже было подготовлено решение, но этот случай никак не отразился на судьбе матери.

В октябре 1937 г. М. Г. Касаткина была арестована, а затем больше месяца провела в камере — и ни одного допроса. 29 ноября, в тот же день, когда был вынесен приговор моему отцу, приговорена к 10 годам исправительно-трудовых работ с форму-

лировкой «за связь с врагом народа». Ни суда, ни вопросов, ни обсуждения существа «дела». Хотя какие могли быть возражения: действительно была связана, муж ведь!

В той комнате, где свершалось это правосудие (неправосудие!), ещё несколько следователей одновременно зачитывали приговоры другим осуждённым. Машина массовых репрессий работала уже в полную силу.

М. Г. Касаткиной необычайно повезло, если можно сказать «повезло» о её дальнейшей жизни. Но ведь осталась жива. Не умерла от истощения, хотя была на грани этого. На лесоповале была совсем недолго. Не была замордована «блатными». Да и многого другого избежала, о чём изредка потом с ужасом вспоминала. И всё это благодаря счастливой случайности, происшедшей в начале её лагерного срока.

Случай — как много он значил в те годы, когда ни профессионализм в своей области деятельности, ни богатые знания, ни готовность служить своему народу, ни высокие моральные качества, ни заслуги перед родиной — ничто не могло быть для человека гарантией жизни и свободы. А часто именно выдающиеся деятели нашей страны только за это и шли на плаху.

На этапе в лагерь моя мать познакомилась и подружилась с женщиной намного старше и опытнее её. Эта женщина и убедила мать сказать, когда в лагере выстроят всех и будут спрашивать о профессии, что она знает бухгалтерское дело, а она научит её этому. Мать так и сделала, и это, скорее всего, спасло ей жизнь. Разные люди говорили мне впоследствии, что, работая в конторе лагеря — предприятия почтовый ящик № АМ-244 — статистиком плановой части («статистом», как написано в её лагерной справке), она многим людям помогала.

В октябре 1947 г. кончился срок заключения Мины Германовны Касаткиной-Опескиной. Куда ей деваться? Её отец и мать умерли в Одессе ещё до войны, один брат погиб на фронте, другой — офицер, служит, я живу в общезжитии, о муже ей ничего не сообщают, кроме ложного срока приговора, да и жить в областных городах ей нельзя. И она решает поселиться в городе Соликамске, недалеко от которого была в лагере. Пожить там, осмотреться.

В Соликамске она опять начинает работать по своей старой профессии пианистки — в педучилище, в детдоме, в клубе горняков. В Соликамске живёт в это время освободившийся из лагеря Павел Александрович Вульфийус — известный музыковед, ленинградец, художественный руководитель соликамского Дома культуры. Он читает в музыкальном училище, в городском клубе лекции о музыке. М. Г. Касаткина сопровождает эти лекции музыкальными иллюстрациями на пианино.

Летом 1948 г., как только кончились мои занятия в университете, я поехал к матери в Соликамск. Жил я тогда на свою стипендию, да ещё подрабатывал частными уроками. Но сумел скопить денег на поездку, помогли и родные. Мы с матерью не виделись 11 лет. Уезжал из Фрунзе десятилетним мальчиком, теперь я вдвое старше, прошёл фронт, инвалид войны.

Мать жадно расспрашивала о жизни на «воле», обо мне, о родных. О себе же говорила очень мало. Ведь что она знала обо мне, своём сыне?! А о лагере говорить в те годы было небезопасно. Вышедшие из заключения вновь могли туда угодить. И вскоре так и произошло.

В 1947–48 гг. из лагерей выходили многие, кто пережил свои страшные 10 лет. Эти люди знали то, что скрывалось от находившихся по эту сторону колючей проволоки. В полной мере они испытали на себе весь ужас, бесчеловечность, безнравственность сталинской системы. Они могли бы рассказать о страшных пытках при следствии, о надругательстве над человеческим достоинством, о непосильном труде, голоде и холоде, о жестокости охраны, издевательствах «блатных», о массовой гибели ни в чём не повинных людей. Такие свидетели были опасны для власти. И началась новая волна репрессий.

Массовым репрессиям тех страшных лет пытались придать видимость законности: следователи старались обосновать арест и заключение человека. А так как истинной вины не было, фабриковалась вина мнимая.

В 1948 г. Мина Германовна вновь арестована. Следователь, скрывая подлинную причину ареста — десятилетнее пребывание в лагере, объясняет: обнаружены будто бы какие-то детали «дела», по которому М. Г. Касаткина-Опескина была осуждена в 1937 г. Моя мать, человек сильной воли, твёрдого духа, на этот раз не выдержала. После глотка свободы вновь тюрьма, видимость следствия, возможные пытки, а затем опять лагерь — нет, лучше не жить вовсе, чем жить так! И она решает покончить с собой. Ночью, связав из простыни верёвку, сделав петлю, она стала прилаживать её к себе, чтобы не было больше ни мучительного завтрашнего дня, ни всех будущих страшных дней. Но неожиданно проснулась соседка по камере, увидела, поняла, бросилась отнимать. И весь остаток ночи обе женщины, потрясённые случившимся, не отпускали от себя друг друга.

Наконец приговор — бессрочная ссылка в Красноярский край. Из Красноярского пересыльного пункта её вместе с ещё шестью заключёнными самолётом привезли прямо в поле у села Мотыгино Удере́йского района на Ангаре. Впоследствии одна из прибывших, школьный учитель истории, мне рассказывала: «Зима, на поле снег, лётчик, закрыв самолёт, сказал: “Ждите” — и ушёл в деревню. Ждём час, два, все замёрзли, давно не ели. Вдруг Мина Германовна встала и, взяв часть своих пожитков, решительно направилась в сторону деревни. Через какое-то время возвращается с половиной мешка картошки. Оказывается, она обменяла в деревне на него своё единственное “выходное” платье. Развели костёр, испекли картошки, поели, и дальнейшего ожидания уже не казалось таким трагическим. Через некоторое время пришёл директор совхоза Южно-Енисейска с громким названием “Решающий”, спрашивает: “Кто из вас знаком с крестьянским трудом? Мне нужны доярки, скотницы, рабочие”. Но прибывшие — городские жители: учительница истории, экономист, инженер, музыкальный работник, люди умственного труда, физическим трудом занимались лишь в лагере, по принуждению».

Мина Германовна какое-то время работает уборщицей в парикмахерской. Местной больнице нужен регистратор, и главврач берёт Касаткину на эту должность. Принимала больных, записывала их данные в карточку, направляла к врачам. Кроме работы регистратора, она каждый месяц составляла отчёты — сколько в больнице больных, какие у них болезни, отправляла данные в Удере́йский район. Работа была ей знакома, справлялась она с ней хорошо. Но вдруг выяснилось: данные о больных,

о болезнях — это секретные сведения, а к ним имеет доступ бывшая осуждённая по 58-й, политической статье. Не вор, не убийца, не мошенник — им-то такую работу доверили бы, а политическая ссыльная. И не проработав и трёх месяцев, по распоряжению НКВД М. Г. Касаткина была уволена с этой должности. Но нашлась работа в детском саду. Там вредному политическому влиянию противостояла детская несмышлёность. Через некоторое время взяли её и в среднюю школу руководителем хорового и музыкального кружков. Здесь она и проработала до 1955 г.

Летом 1952 г., после окончания Московского университета, я поехал к матери. От Красноярска вдоль Енисея до Стрелки проехал на машине, а затем по Ангаре до Мотыгина на небольшом пароходике, перевозившем людей и грузы. Полдня и почти всю ночь простоял на палубе, любясь красотой быстрой реки, сплошной цепью деревьев на её берегах. Мать знала, что я должен был приехать, но когда точно, я не сообщил. Выходила к каждому пароходу, ждала. Но в этот раз её не было: дежурила на работе. Поднявшись на высокий берег, я узнал у местных жителей, где она живёт (её все здесь хорошо знали), и пошёл к её дому, намереваясь подождать её там. Но ей уже сообщили. Не успел я войти в дом, как увидел, что она бежит ко мне по улице, запыхавшаяся, счастливая.

Снимала она в деревенской избе даже не угол — койку. На время моего приезда рядом поставили ещё одну, отгородили их занавеской. Мать взяла отпуск, всё время мы проводили вместе, узнавая друг друга, радуясь этому узнаванию. Ходили в лес за ягодой — для этого матери надо было брать специальное разрешение: ей нельзя было никуда отлучаться из села, постоянно надо было отмечаться в местном отделении милиции.

В Мотыгине в это время было много ссыльных, со многими из них мать знакомила меня. Поражала трагичность их судеб, сломанные, исковерканные по чьей-то злой воле жизни. Здесь впервые я услышал о каторжных лагерях, где у людей отнимали фамилии, заменяя их номерами. Нашитый на бушлате номер да бубновый туз, чтобы легче было целиться при стрельбе, — это и были знаки человека в таких лагерях.

Собирался я прожить в Мотыгине месяц, а вынужден был уехать через две недели: телеграммой меня вызвали на работу. Простился с матерью на берегу: на пароход ей, ссыльной, ступать было нельзя, везде стояли проверяющие из местного отделения МВД.

А меньше чем через год умер Сталин, вскоре был расстрелян и главный его подручный по лагерям и ссылкам Берия. Пахнуло свежим ветром перемен в судьбах «навечно» сосланных. В 1954 г. М. Г. Касаткина была освобождена, а в январе 1955 г. навсегда покинула Красноярский край и переехала в Москву. Летом 1955 г. она получила справки о реабилитации — своей и Л. Л. Касаткина (посмертно).

В этом же году она, зная уже, что Л. Л. Касаткин погиб, вышла замуж за того же, как она, бывшего лагерника, а затем ссыльного, Михаила Дмитриевича Айзенштейна. Пятилетним мальчиком он в 1904 г. со своими родителями уехал в США, стал там известным инженером, а в 1935 г. по приглашению С. Орджоникидзе вернулся в СССР и создал здесь особую отрасль промышленности — насосы

для добычи нефти. В 1939 г. во время проведения подписки на заём предложил своим сослуживцам собрать деньги и внести их за уборщицу, получавшую небольшую зарплату. Этот естественный человеческий поступок был расценен как антисоветская агитация, виновник был арестован, затем был в лагере, потом, как и большинство, сослан. Перед арестом он подготовил к печати книгу о нефтяных насосах, но вышла она под фамилией другого человека. После возвращения из ссылки Айзенштейн добьётся, чтобы во втором издании книги была восстановлена его фамилия как единственного автора: *Айзенштейн М. Д.* Центробежные насосы для нефтяной промышленности. М., 1957. В лагере он не переставал быть изобретателем, придумывал разные приспособления и приборы для облегчения непосильного труда заключённых, чем заслужил известность и там.

В 1958 г. М. Г. Опескина-Касаткина с Михаилом Дмитриевичем получили в Москве комнату в коммунальной квартире, а в 1959 г. он тяжело заболел и был вынужден оставить работу. В 1967 г. должна была расстаться с местом музыкального работника в Доме пионеров и школьников и М. Г. Касаткина: болезнь мужа требовала её постоянного присутствия дома.

Долгие годы ухода за тяжелобольным мужем вконец подорвали её и без того измотанное здоровье. Когда он в 1970 г. умер, она лежала в больнице с инфарктом. Последние годы жила вместе со мной, а в 1973 г. четвёртого инфаркта не выдержало её сердце.

Прошло много лет с тех пор, но боль от того, что я мог и должен был делать для матери, но не делал, редко писал ей в лагерь, не отпускает и моё сердце.

Прожила она 70 лет, трижды была арестована: в 20 лет, в 34 года, в 45 лет. В заключении пробыла 13 лет, в ссылке 16 лет — почти половина жизни, лучшие годы. Так была наказана робкая попытка юношеского инакомыслия.

II

В 1978 г. я приехал в Пензу повидаться со своей тётёй Валентиной Леонидовной Архангельской, сестрой отца, и записал на магнитофон её рассказ о детстве, о их семье. Вот этот рассказ.

Я помню себя с четырёх лет очень хорошо. Я жила у дедушки с бабушкой на хуторе, где дедушка был управляющим у одного богатого миллионера под Балашовом — Лежнева. Тёти были в это время молоденькие, одной, наверно, лет шестнадцать, другой восемнадцать. И они были разные. Тётя Оля была весёлая, пела, на гармошке играла, такая саратовская маленькая была. Тётя Оля вскачь гармошку схватит и припоёт, и пританцует, и всё. И дедушка был весёлый, любил шутить, и тётя Оля вся в него. А тётя Нина была в бабушку, очень строгая, я её боялась, с четырёх лет она меня в угол ставила. Пригрозит, я, бывало, прямо замру. Так они и вышли, тётя Нина всю жизнь была очень строгая, как и бабушка. Они, бывало, целый день сидят что-нибудь шьют. Сами и одеяло стегали, и всё делали.

I. ФОНЕТИКА

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОВ РЕЧИ, ВЫСТУПАЮЩИХ В РАЗНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ*

Одни и те же звуки речи в разных фонетических позициях могут восприниматься как разные звуки говорящими на одном и том же языке (диалекте), одни и те же звуки речи в одних и тех же фонетических позициях могут восприниматься как разные звуки говорящими на разных языках (диалектах).

1. Для идентификации произнесённых звуков фонетисты широко используют специальные компьютерные программы Praat, Speech Analyzer и др., позволяющие прослушивать и анализировать сегменты звучащего текста разной длительности, в том числе отдельное слово либо его часть, состоящую из нескольких звуков, или отдельного звука, или его части. Прослушивая таким образом примеры диалектных текстов и литературного языка, я обнаружил следующую особенность восприятия звуков речи.

В говорах Ялмоти — группы деревень вокруг административного центра с. Пышлицы Шатурского района Московской области — предупредительный вокализм после мягких согласных — сильное еканье: гласные фонемы неверхнего подъёма в первом предупредительном слоге после мягких согласных перед твёрдыми и мягкими согласными реализуются в звуке [e]. Эта особенность говоров Ялмоти впервые была обнаружена Н. Н. Дурново, а затем описана А. А. Шахматовым и С. С. Высотским [Дурново 1914: 170; Шахматов 1913: 198–199; Высотский 1949: 34], её наблюдали и члены экспедиций в деревни Ялмоти в 1994 г. (Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, С. Оде, К. Саппок) и в 2007–2009 гг. (Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, К. Саппок).

Однако и побывавший в Ялмоти в 1910 г. Н. Н. Дурново, и бывший здесь в 1945 г. С. С. Высотский, и члены наших экспедиций отмечали, как писал С. С. Высотский, «...спорадическое употребление здесь форм сильного яканья в смешении с еканьем при характерном колебании качеств предупредительного звука. Часто он представлен в виде гласного, лишь слегка пониженного по сравнению с *e*, но уже, безусловно, принадлежащего категории переднего *a*. Менее часто слышится совсем явно выраженное образование *a*, возможное при яканье, например, во многих говорах Рязанской, Московской, Смоленской и других областей: *в'ясна́*, реже *в'асна́*; *пр'ямой*, *пър'ад'ис'*, *ул'ят'эл*, *р'абых*, *с'адых*, *фн'ар'от* и т. п.» [Высотский 1949: 35]. Ещё реже, чем примеры с предупредительным [a] после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъёма, встречается в этой позиции произношение [и].

---

* Первая публикация: *Касаткин Л. Л.* Особенности восприятия звуков речи, выступающих в разных фонетических позициях // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 87–91.

Прослушивая при помощи компьютерной программы Praat наши магнитофонные записи речи местных жителей, я обратил внимание на следующую особенность. В некоторых случаях я на слух определял при многократных повторах предударный звук [а] после мягкого и твёрдого согласного, например [н'ич'авӯ], [лэшад'эй]. Этот же звук я отмечал при прослушивании части слова с предударным и ударным гласными: [ч'авӯ], [шад'эй]. Но при прослушивании начальной части этого же слова со вторым и первым предударными гласными отчётливо был слышен на месте исходного гласного первого предударного слога звук [е] после мягких согласных и [э] после твёрдых: [н'ич'е], [лэшэ]. И точно так же: [ар'астуит], [р'асту], но [ар'ес]; [афч'арá], [фч'арá], но [афч'е]; [нэ-с'аб'иё̄], [с'аб'иё̄], но [нэс'е]; [пэв'аз'л'й], [в'аз'л'й], но [пэв'е]; [пэгл'ад'э́лэ], [гл'ад'э́лэ], но [пэгл'ед']; [пэгл'ад'йш], [гл'ад'й], но [пэгл'е]; [пэжав'йлс'и], [жав'йл], но [пэ́е]; [пр'ив'ал'й], [в'ал'й], но [пр'ив'е]; [при'н'ас'л'й], [н'ас'л'й], но [при'н'е]; [прэл'ат'э́ла], [л'ат'э́ла], но [прэл'е]; [ул'ат'иё́ла], [л'ат'иё́л], но [ул'е]; [прэт'ану́л], [т'ану́л], но [прэт'е]; [пыс'ал'йл'ис'а], [с'ал'й], но [пыс'е]; [рэз'д'ал'йл'ис'а], [д'ал'й], но [рэз'д'е]; [с'им'анá], [м'анá], но [с'им'е]; [н'и-жан'йлс'и], [жан'йл], но [н'ижэ]; [пэ-жал'иё́зу], [жал'иё́], но [пэ́жэ]; [пэжал'э́т'], [жал'э́], но [пэ́жэ]; [пэшан'йцу], [шан'й], но [пэ́шэ] и т. п.

В некоторых случаях при прослушивании всего слова или его части, включающей первый предударный и ударный слоги, в первом предударном слоге слышится [и], а при прослушивании части этого же слова, включающей второй и первый предударные гласные, на месте того же гласного ясно слышится [е], например: [атм'ич'ал'и], [м'ич'а́], но [атм'е]; [с'им'инáм'и], [м'инá], но [с'им'е].

Такая же разница была при прослушивании некоторых слов с одним предударным слогом: во всём слове слышался предударный гласный [а] или [и], в части этого слова, содержащей только предударный слог, — [е] или [э]: [гл'ад'э́лэ], но [гл'е]; [гл'ад'йш], но [гл'е]; [жав'йлс'и], но [́е]; [жаф'йм], но [́е]; [л'ат'эл'и], но [л'е]; [п'акл'й], но [п'е]; [с'ар'г'э́й], но [с'е]; [т'ич'от], но [т'е]; [тр'ипáл'и], но [тр'е]; [жал'э́знийá], но [жэ́]; [жал'иё́л], но [жэ́]; [жан'йх], но [жэ́] и т. п.

Эту особенность я решил проверить на записях литературной речи. В фонотеке отдела фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН я взял получасовую запись рассказа Р. Ф. Касаткиной об орфоэпии, сделанную на радио в январе 2008 г. При прослушивании этой записи обнаружилась та же особенность, что и в диалектной речи: в некоторых примерах с предударным гласным [а] после твёрдых согласных при удалении части слова, включающей ударный слог, в оставшейся части на месте этого [а] слышится [э]: *языковеды* — [кав'ед], но [зыкэ́]; *произносительные* — [нас'ит'], но [изнэс']; *Москворечья* — [вар'еч'], но [сквэр']; *городских* — [рацк'их], но [гэрэ́]; *человек* — [лав'е], но [ч'илэ́]; *колорит* — [лар'и], но [кэлэ́]; *факультативы* — [таг'и], но [кул'тэ́]; *для России* — [рас'и], но [дл'арэс']; *счастье, расчёт* — [раш'ш'от], но [т'ирэ́] и т. п.

Для подтверждения моего восприятия был проведён следующий эксперимент. Пятнадцати аудиторам — сотрудникам Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, в том числе пяти сотрудникам отдела фонетики, были представлены для прослушивания некоторые из вышеуказанных примеров частей слов,

записанных в Ялмоти и в записи рассказа Р. Ф. Касаткиной. Аудиторы должны были определить гласный звук и записать соответствующую букву в анкету, где уже были записаны примеры: *кыл* [ ] и *л* [ ] *ри* — части произнесённого слова *колорит*, *дляр* [ ] *сь* и *р* [ ] *си* — части фонетического слова *для России*, *прал* [ ] и *л* [ ] *тел* — части слова *пролетела*, *пый* [ ] и *й* [ ] *дим* — части слова *поедим*, части тех слов, в которых я услышал предударный [а], и т. п. В качестве контрольных слов были также предъявлены примеры, в которых в первом предударном или ударном слоге произносились [а], [е], [и], воспринимаемые мною одинаково в целом слове и его частях. Всего было предъявлено 32 примера, каждый из которых повторялся многократно, до тех пор, пока аудиторы не останавливали повтор. Примеры следовали в анкете так, чтобы аудиторы не могли связать их по содержанию друг с другом.

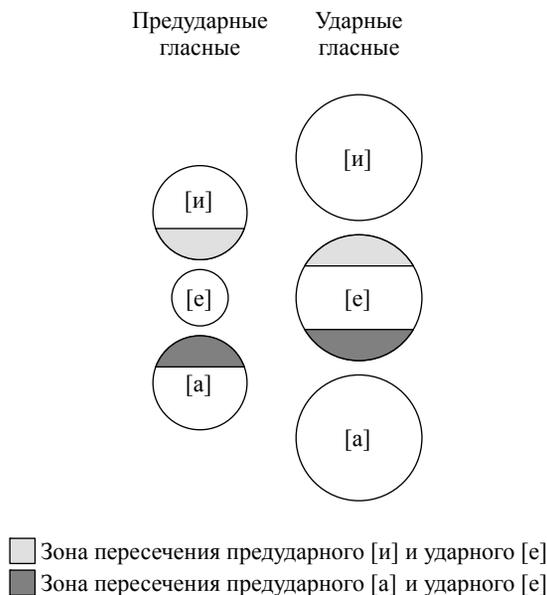
Эксперимент подтвердил мои наблюдения. Аудиторы не всегда одинаково определяли гласный звук в одном и том же звуковом сегменте, но в подавляющем большинстве случаев писали разные гласные буквы в выделенных из одной и той же фонетической последовательности (обычно фонетического слова) сегментах, включающих исходные гласные второго и первого предударного слогов и первого предударного и ударного слогов.

Этот же эксперимент, но в сокращённом виде, включавший 10 звуковых сегментов (из числа тех же 32 примеров), выделенных из пяти записанных на магнитофон слов, был проведён с восемью известными фонетистами, членами фонетической комиссии при Отделении исторических и филологических наук РАН, двумя сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и двумя студентами филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. И эти аудиторы полностью подтвердили моё наблюдение.

Чем же объясняется, что один и тот же звук может восприниматься по-разному при прослушивании всего слова и его частей? Связано это с разной позицией этого звука в звуковом сегменте. В одних случаях, при наличии ударного слога, гласный звук находится в первом предударном слоге. В других случаях, когда он находится на втором месте двусложного звукового сегмента, включающего исходный второй и первый предударные слоги, он воспринимается как ударный: соотношение по силе и длительности второго и первого предударных слогов в говорах Ялмоти сходно с соотношением первого предударного и ударного слогов литературного языка. Исходный гласный первого предударного слога обычно воспринимается как ударный и в звуковых сегментах, включающих только один этот гласный звук.

В русском литературном языке артикуляционное и акустическое пространство ударных гласных больше пространства безударных гласных: при произнесении безударных гласных верхнего и нижнего подъёмов язык не доходит до крайнего верхнего и крайнего нижнего положения, в котором он находится при произнесении ударных гласных. В связи с этим области рассеивания звукотипов ударных и безударных гласных не совпадают. Область рассеивания безударного [и] пересекается с областью рассеивания ударного [и] и частично с областью рассеивания ударного [е], а область рассеивания безударного [а] пересекается с областью рассеивания ударного [а]

и частично с областью рассеивания ударного [e]. Схематично это может быть представлено следующим образом.

Таким образом, один и тот же звук речи, образованный в такой зоне, выступая в разных фонетических позициях, воспринимается как разные звуки.

2. Н. Н. Дурново считал, что примеры с яканьем при обычном еканье в говорах Ялмоти могут объясняться влиянием южнорусского наречия [Дурново 1914: 171]. С. С. Высотский выразил сомнение по этому поводу: «Причины присутствия в Ялмоти элементов яканья остаются неясными. Какого-либо нового за последние 30–40 лет влияния южнорусского наречия со стороны некоторых говоров Рязанской или Московской областей предполагать нельзя, так как для этого не возникало никаких исторических предпосылок. Ялмоть в экономическом и бытовом отношении издавна тяготела к Москве, а не к Рязанской области и юго-восточной части Московской области, где существует сильное яканье» [Высотский 1949: 37]. Об отсутствии связей говоров Ялмоти с северными, восточными и южными говорами писал и А. А. Шахматов: «Ялматчане резко отличают себя от жителей соседних волостей, расположенных к востоку и югу <...>. Совершенно ясно, что издревле Ялмат определялся с трёх сторон северной, восточной и южной этнографическими границами, между тем как с запада население Ялмата сливалось с однородным населением других частей Егорьевского уезда. Теперь эта граница резко определяется звуковыми особенностями живой речи» [Шахматов 1913: 174].

Однако С. С. Высотский, вопреки сказанному им выше, склонялся к предположению о том, что «...вероятно, перед нами всё же давний по употреблению в местном говоре признак смешения двух систем вокализма (примеры с яканьем записаны

от местных уроженок — женщин из отсталых в культурном отношении семей, преимущественно неграмотных старух, не выезжавших ни разу в своей жизни за пределы ближайшей округи» [Высотский 1949: 37]. Такими же были и наши информанты.

Думаю, что можно по-иному объяснить примеры с произношением предударного [а] в говорах Ялмоти.

Для уточнения особенностей предударного вокализма после мягких согласных я произвёл полную выборку соответствующих примеров из сделанной в 2008 г. двухчасовой записи рассказов Марии Фёдоровны Кутырёвой, 1913 года рождения, которая родилась и всю жизнь прожила в деревне Зименки, в школу не ходила, азбуке научилась сама, но давно уже не читает из-за плохого зрения.

В этой записи 419 примеров еканья, 51 пример яканья, среди которых 39 примеров с [ʼа] после [чʼ] в повторяющихся словоформах: *чʼаво, нʼичʼаво́, пэчʼаму́, чʼатырʼе, чʼаса́, чʼасы, чʼасо́ф, афчʼарасʼе, но́чʼаватʼ, вʼичʼарамʼи*. Говоры Ялмоти раньше характеризовались твёрдым цоканьем, об этом пишут А. А. Шахматов и С. С. Высотский [Шахматов 1913: 198–199; Высотский 1949: 42–44], наши информанты вспоминают, что так говорили их матери. Звук [ц] под влиянием литературного языка заменялся [чʼ] в словах с /чʼ/, но гласный [а], который часто произносился после [ц] в первом предударном слоге, при этом мог сохраняться. Так может объясняться произношение [ʼа] после [чʼ] в этой позиции. Наряду с [ʼа] после [чʼ] в тех же словах М. Ф. произносит и [ʼе]: *трʼи чʼеса́, зэ Чʼерка́сэвэ* и т. п. Таким образом, все примеры с предударным [ʼа] после [чʼ] можно исключить.

Я неоднократно переспрашивал местных жителей, произносятся ли слова с предударным [ʼа] и выясняя, говорят ли они так или говорили ли так раньше. Всегда они это отрицали.

Здесь иная, чем в литературном языке, ритмика слова с незначительной разницей или с её отсутствием в силе и длительности первого предударного и ударного слога и резким отличием от них других безударных слогов (кроме конечного), где гласные предельно коротки и могут вовсе не произноситься. Эту особенность говоров Ялмоти отметил и С. С. Высотский [Высотский 1949: 32–33], который подобный тип ритмической структуры фонетического слова определил следующим образом: «IV — двухступенчатость выражена с предельной силой, гласные значительно длиннее согласных своего слога, предударный гласный нередко равен, а часто и длиннее ударенного <...>, встречается в ю.-р. и ср.-р. говорах, на территориях к югу от местоположения с.-р. говоров Владимиро-Поволжской группы» [Высотский 1973: 35]. Здесь же расположены и говоры Ялмоти.

По-видимому, жители Ялмоти иначе воспринимают предударный звук, который я оценивал как [а] в первом предударном слоге и как [е], [э] в позиции ударного слога: возможно, что для них и в той, и в другой позиции это [е] или [э]. Таким образом, примеры с «яканьем» в говорах Ялмоти — это результат восприятия диалектной речи носителями литературного языка. С точки зрения диалектной системы эти примеры — отражение еканья.

В двух примерах, записанных в Ялмоти, была иная картина по сравнению с описанной выше: в сегментах, вырезанных из слов *семенами* ([сʼимʼа] и [мʼена])

и *запевали* ([зэп'ав] и [п'ева]), соотношение услышанных мною звуков [а] и [е] на месте исходного гласного первого предударного слога было прямо противоположным: [а] во втором слоге двусложного звукового сегмента, [е] — в первом слоге. Оба эти сегмента из слова *запевали* я включил в первый эксперимент, и 11 аудиторов подтвердили моё восприятие. Таким образом, и здесь выступает позиционная зависимость при восприятии одного и того же звука, но зависимость иного рода. Думаю, что на восприятие этого звука как [е] или [а] влияют гласные соседних слогов: имеющееся различие между гласными первого и второго слогов выделенных сегментов усиливается в сознании слушающего: после [и]-образного звука подъём следующего гласного как бы понижается, перед [а] — как бы повышается.

Таким образом, **одни и те же звуки речи в разных фонетических позициях могут восприниматься как разные звуки говорящими на одном и том же языке (диалекте), одни и те же звуки речи в одних и тех же фонетических позициях могут восприниматься как разные звуки говорящими на разных языках (диалектах), что, в частности, хорошо известно преподавателям русского языка иностранцам.**

АФФРИКАТЫ НА МЕСТЕ ВЗРЫВНЫХ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ЩЕЛЕВЫМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

1. Какие звуки произносятся на месте /т/ в словах *отсадить, отсидеть, отзывать-ся, отзимовать, отсчитывать, отшуметь, отжать*? У самых тонких знатоков фонетики современного русского литературного языка характеристика этих звуков различна.

Р. И. Аванесов писал: «На стыке <...> приставки и корня или предлога и согласной следующего слова при сочетании зубных взрывных с последующими щелевыми — зубными или нёбно-зубными <...> произносятся два звука. Первый звук данных сочетаний представляет собой аффрикату [ц], [ц'], [з], [з'], [ч], [ж], [ч'], [ж']: *ацсад'ыл, пьцсад'ыл, ацсып'ыл, ацсыр'ыл, пацсунул, пацс'ыл, ац'с'ыл, пац'с'ыл, пьцзадор'ыл; паз'з'э'мнъй; пачшыл, ачшыл, пачшубъй, пажжар'ыл, ажжар'ыл; ач'и'ук'и, пач'и'укъй, ач'и'ас'т'иъ*» [Аванесов, Сидоров 1945: 63–64]. Позднее Р. И. Аванесов иначе определял эти звуки: «Согласные [т] и [д] могут приобретать при размыкании (взрыве) перед щелевыми [с], [з] в результате уподобления им некоторый свистящий фрикативный элемент, т. е. приблизиться к соответствующим аффрикатам [ц] или [ж], т. е. [дз] <...>. Те же согласные ([т] и [д]) могут приобрести при размыкании (взрыве) перед щелевыми нёбно-зубными [ш], [ж] в результате уподобления им некоторый шипящий фрикативный элемент, т. е. приблизиться к аффрикатам [ч], [ж] <...>. Фрикативный свистящий элемент может приобрести [т'] перед мягким [с']». Такие звуки Р. И. Аванесов транскрибирует как [т^ч], [д^ж], [т^ч], [д^ж], [т^{ч2}]: *по[т^ч]садит, по[т^ч]сёл, по[д^ж]задорить, о[д^ж]зывает, о[д^ж]-зависти, на[д^ж]зираетель, о[т^ч]шил, привё[т^ч]ший, обве[т^ч]шальный, о[д^ж]жыл, по[д^ж]жарый, [д^ж]жут, [д^ж]жин, ня[т^{ч2}]ся, забу[т^{ч2}]ся. Такие звуки могут «в беглой речи даже произноситься как аффрикаты» [Аванесов 1956: 167]. Затем Р. И. Аванесов ещё раз меняет свой взгляд на эти звуки: «В разговорной речи звук [т] перед [с] произносится с заметным фрикативным элементом, т. е. близко к [ц]: о[ц]адил, по[ц]адил, о[ц]ыпал, по[ц]ыпал, о[ц]ох, по[ц]ох, о[ц]ырёл, о[ц]осёл, по[ц]унул, по[ц-с]арам, по[ц-с']теной. При более отчётливой речи фрикативный элемент может быть малозаметен, в связи с чем произносится [тс]: о[тс]адил, по[тс]адил и т. д.»*

Но и это не удовлетворило Р. И. Аванесова, он делает сноску: «Точнее, здесь произносится [п'тсад'ыл] и т. д.: предшествующий слог кончается затвором, нужным для [т] (обозначаем его маленьким *t* сверху), а следующий начинается с аффрикаты [ц]» [Аванесов 1972: 141].

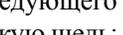

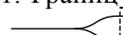
* Первая публикация: *Касаткин Л. Л.* Аффрикаты на месте взрывных согласных перед щелевыми в русском языке // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 1999. С. 78–84.

Таким образом, Р. И. Аванесов обозначает звук на месте /т/ перед [с] четырьмя различными способами: [т], [ц], [т^ц], [т̣ц]. Это же относится и к звукам на месте /т/ перед другими зубными и передненёбными щелевыми согласными.

Нет единства в описании и обозначении этих звуков и у других фонетистов, у которых встречается и иное транскрибирование: «На стыке префикса, кончающегося на <т>, <д>, и корня, начинающегося на <с>, <з>, объединение в одну аффрикату не доходит до полного конца, а получается нечто вроде [цс], [дзз]: *отсыпать* [лц^сыпэт'] и [лц^сыпát], *подзудить* [пэдзуд'йт'] <...>. В аналогичных случаях сочетания <т + ш> и <д + ж> не дают аффрикат, <...> *отшуметь* [лтшум'эт'], *поджидать* [пэдждыát']» [Реформатский 1955: 386]. (В другой работе А. А. Реформатский транскрибирует *подсадить* [пэ^тсад'йт'] [Реформатский 1957: 484].) «В положении перед мягкими зубными [с'], [з'] согласные [т], [д] произносятся с незначительным фрикативным элементом, приближающим их к аффрикатам, которые могут произноситься как мягко (в соответствии со старомосковской нормой), так и твёрдо: о[ц^тс']елить, о[ц^тс']идеть, о[д^зз']имовать и о[ц^тс']елить, о[ц^тс']идеть, о[д^зз']имовать» [Русская грамматика 1980: 28–29].

Встречается и совершенно не соответствующая литературному произношению характеристика звука и транскрипция: «На месте сочетания переднеязычного смычного глухого и зубного щелевого глухого наблюдается на стыке префикса и корня один звук [т̣ц], т. е. [ц] с долгим затвором»: *подвинок* — по[т̣ц'в']инок, *отскочить* — о[т̣цк]очить, *подсластить* — по[т̣цл]астить, *подлеповатый* — по[т̣ц(ц')л']еповатый, *подсмотреть* — по[т̣цм]отреть и т. п. [Там же: 56]. А. М. Кузнецова считает, что преобразование сочетания [т + с] в [ц + с] «с большей вероятностью можно отнести к явлениям разговорного стиля» [Кузнецова 1977: 142].

2. Взрывные согласные содержат в своём образовании две фазы: сначала происходит смычка артикулирующих органов и полная задержка воздушной струи, а затем резкое их размыкание и достаточно широкий отход их друг от друга. Схематически взрывные согласные можно представить так: . Но перед щелевым согласным того же места образования вторая фаза смычного выглядит иначе: после смычки активный орган речи, уже готовясь к образованию следующего щелевого согласного, лишь слегка отодвигается от пассивного, создавая узкую щель: . Эту артикуляцию двух звуков можно интерпретировать двояко.

2.1. Границу между звуками можно проводить в месте уже образовавшейся щели: . В этом случае первый звук следует интерпретировать как аффрикату.

Таковы зубные согласные: [т] перед [с] меняется на [ц] — о[ц]са^дить, де[ц]са^д, бра[ц] Саши; [д] перед [з] меняется на [дз]: по[дз]з^уживать, на[дз]з^ор, по[дз] за^{на}вес; в результате возникает нейтрализация /т/, /д/ и /ц/ перед [с], [з]: жиле^ц[ц] Саши — жилец и жилет, ра^н[и^ц] сапёра — ранец и ранит, шве^д[дз] забыл — швец и швед, пла[дз] зелёный — плац и плат, огор^од[и^{дз}] З^ои — огородец Зои и огородит Зое¹.

¹ Убедиться в том, что действительно возникает такая нейтрализация, легко. Неоднократно я проводил в разных студенческих группах простейший лингвистический экспе-

Так же, как [т], [д] перед [с], [з], ведут себя и другие зубные согласные: [т'] перед [с'] меняется на [ц']: *ме[ц']ся, ня[ц']ся, ня[ц']селёдок*, [д'] перед [з'] меняется на [д'з']: *ня[д'з']земли, ме[д'з']зеленеет, сре[д'з']зеркал*. На месте /т/, /д/ перед [с'], [з'] по старшей норме произносятся мягкие аффрикаты, по младшей — твёрдые (точнее, с твёрдым началом и мягким концом): *о[ц']сидеть, на[ц']сечь, по[д'з']земный, на[д'з']зиратель* и *от[тс']сидеть, на[тс']сечь, по[д'з']зёмный, на[д'з']зиратель*. На месте [т], [д] перед [л] возникают аффрикаты с боковой щелью: *ме[тл]ла, у[тл]ый, о[тл] лампы, на[дл]лом, по[дл]льи, по[дл]луной*; [т'] перед [л'] меняется на [т'л']: *ня[т'л']лимонов, бы[т'л']ли, лебе[т'л']летит*. На месте /т/, /д/ (/т'/, /д'/) перед [л'] по старшей норме произносятся [т'л'], [д'л'], по младшей — [тл'], [дл']: *о[т'л']лепить, ко[т'л']лёта, по[д'л']лёсок, ме[д'л']лить* и *о[тл']лепить, ко[тл']лёта, по[дл']лёсок, ме[дл']лить*.

Перед передненёбными зубные заменяются передненёбными: кончик языка примыкает не к зубам, а к передней части нёба, поэтому на месте [т], [д] перед [ш], [ж] образуются аффрикаты [ч], [дж]: *о[ч]шутиться, мл[ч]ший, по[ч]шумок, по[дж]жёлки, та[дж]жик, о[дж]жара*; перед [ш'] происходит замена взрывного мягкой аффрикатой: *о[ч'ш']итать* (отсчитать), *[ч']щётно, [ч']щерь*.

Губно-губные взрывные перед губно-зубными щелевыми заменяются аффрикатами, у которых первая фаза образована смычкой нижней губы с верхней губой и верхними зубами одновременно: *о[бв]вал, о[бв]вод, поо[бв]выкнуть, ца[пф]фа, ра[пф]фак* (рабфак), *о[пф]фартук* (об фартук); в старшей норме — *о[б'в']винение, лю[б'в']ви, са[п'ф']фир*, в младшей норме — *о[бв']винение, лю[бв']ви, са[пф']фир*.

Так же ведут себя заднеязычные: [к] перед [х] заменяется на [кх], [к] перед [х'] заменяется в старшей норме на [к'х'], в младшей норме на [кх']: *Ва[кх']ха, [кх']хутору, мюзи[кх]-хóлл; ва[к'х']йческий, [к'х']хересу, уро[к'х']хими* или *ва[кх']йческий, [кх']хересу, уро[кх']хими*.

римент, подтверждающий одинаковое восприятие аудиторами приведённых выше пар словосочетаний. Студент пишет на доске: 1. *жилет Саши*, 2. *жилец Саши* (или любую другую пару из указанных словосочетаний) и продолжает стоять спиной к аудитории и лицом к доске. Затем студенты, сидящие в аудитории, по очереди произносят по собственному выбору одно из записанных на доске словосочетаний и одновременно поднимают вверх один или два пальца в соответствии с номером произнесённого словосочетания. Все в аудитории, кроме стоящего у доски, не только слышат, что произнёс говорящий, но и видят, что он хотел произнести. Стоящий же у доски должен узнать это только по тому, что он услышал, и записать на доске соответствующий номер словосочетания — 1 или 2. Один из студентов назначается регистратором опыта и фиксирует у себя знаком + совпадение и знаком – несовпадение намерения говорящего (диктора) и решения опознающего (аудитора). В этом опыте к дикторам предъявлялось требование: произносить словосочетания без паузы между словами и как можно естественнее. Результаты этого опыта были всегда одни и те же: количество правильных и количество неправильных ответов аудитора были примерно равны. Это значит, что аудиторы не опознают произнесённое словосочетание, а угадывают его. А это свидетельствует о том, что данные словосочетания произносятся одинаково.

Научное издание

Леонид Леонидович Касаткин

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том I

2-е издание

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен С. Белоусовым
Оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 15.01.2018. Формат 70×100 ¼.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 49. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Языки славянской культуры
№ государственной регистрации 1037739118449
Phone: +7 495 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdkggnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks